

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/33/5

ДУНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА М.М. ПРИШВИНА: К ВОПРОСУ О КРУГЕ ЧТЕНИЯ И «ВЕЧНЫХ СПУТНИКАХ» ПИСАТЕЛЯ

Максим Владимирович Скороходов¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, msk2002@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются актуальные для изучения наследия М.М. Пришвина вопросы – о структуре его библиотеки, круге чтения и «вечных спутниках» писателя. Особое внимание уделяется библиотеке в Дунине, где Пришвин приобрел дом с участком – усадьбу и где подолгу находился, стремясь в последние годы жизни к работе в уединении. Дунинское книжное собрание состояло из избранных книг двух библиотек – М.М. Пришвина и В.Д. Пришвиной. Работа построена на анализе художественных произведений писателя, его дневниковых записей и мемуарных источников.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, русская литература, библиотека, русская литературная усадьба, дача, дневник, круг чтения

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, [https:// rscf.ru/project/22-18-00051/](https://rscf.ru/project/22-18-00051/)

Для цитирования: Скороходов М.В. Дунинская библиотека М.М. Пришвина: к вопросу о круге чтения и «вечных спутниках» писателя // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 78–90. doi: 10.17223/23062061/33/5

Original article

MIKHAIL PRISHVIN'S DUNINO LIBRARY: ON THE WRITER'S READING PREFERENCES AND "ETERNAL COMPANIONS"

Maxim V. Skorokhodov¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, msk2002@rambler.ru*

Abstract. The article raises relevant questions for the study of Mikhail M. Prishvin's heritage – about the structure of his library, formed over several decades, about his reading preferences and “eternal companions”. In 1946 Prishvin bought a house and a plot of land in Dunino near Moscow, which he called his homestead.

Here he spent the last years of his life, going to Moscow only in cold weather. Thus, the writer sought to build a circular composition of his life, referring in memory to the Khrushchevo estate, associated with the distant years of his childhood. Dunino for Prishvin was the world, which he created and built for himself, for his own internal use. This world was quite closed, only occasionally welcoming joy-bringing communication. In Dunino, the writer worked in seclusion, using a small library with books selected from two libraries – of his own and of his wife Valeria D. Prishvina. The Dunino library received new books both during the writer's lifetime and after his death. Based on the analysis of Prishvin's works, his diary entries and memoirs sources, the article identified books that the writer referred to as his "eternal companions". These include the Gospels, the works of Mikhail Lermontov, Alexander Blok, Sergei Yesenin, Vladimir Solovyov, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, Anton Chekhov, William Shakespeare, Jack London, Knut Hamsun, *Thus Spoke Zarathustra* and *Beyond Good and Evil*. *A Prelude to the Philosophy of the Future* by Friedrich Nietzsche, and a small atlas through which Prishvin followed the events of the Great Patriotic War. Many of the books contain notes by Prishvin, quite important for understanding the directions of his creative pursuits. His "eternal companions" included musical compositions, which, like poetic texts, were to be devoid of "man-made nature" and were to sound "like a prayer". The library included various dictionaries, publications related to the writer's hobbies (photography, driving and care of a car, hunting, nature conservation). During his life in Dunino, Prishvin read works by his contemporaries, including those published in periodicals, with particular attention to the magazines *Ogonyok* and *America*. A significant place in the library belonged to editions with inscriptions by their authors and Prishvin's own books, which he tried to improve (for example, he whited out his own picture which he did not like, changed the image of a dog because the image suggested by the artist seemed unconvincing to him). The writer, unlike Prishvina with her characteristic *escape from time*, read newspapers. This brought him closer to the inhabitants of manor houses, many of whom regularly read the news in newspapers. The Dunino estate had another manor tradition – reading aloud works that Prishvin recently wrote and favourite works by other authors to the closest people.

Keywords: Mikhail Prishvin, Russian literature, library, Russian literary estate, dacha, diary, reading preferences

Acknowledgements: This work was performed in the IWL RAS and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Skorokhodov, M.V. (2023) Mikhail Prishvin's Dunino library: On the writer's reading preferences and "eternal companions". *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 33. pp. 78–90. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/5

Выявление круга чтения писателя дает возможность определить сферу его интересов, выявить вероятные влияния на его творчество. Как правило, основой круга чтения становятся формирующиеся на протяжении

нескольких десятилетий личные библиотеки. Изучение их состава позволяет определить читательские предпочтения писателя. К тому же книги такой библиотеки нередко содержат размышления по поводу прочитанного и различные пометы. В ходе их анализа исследователи получают возможность не только составить перечень прочитанных книг, но и в какой-то степени определить их значимость для писателя, выступающего в роли внимательного читателя. Изданы библиографические описания библиотек В.А. Жуковского [1], А.С. Пушкина [2], А.Н. Островского [3], Ф.М. Достоевского [4], А.П. Чехова [5], А.А. Блока [6], М. Горького [7, 8] и ряда других писателей. Естественно, даже в тех случаях, когда исследователям известен состав личных библиотек, необходимо выявлять и другую литературу, входившую в поле читательского интереса писателей (подробнее см.: [9]).

Состав личной библиотеки М.М. Пришвина, 150-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2023 г., до настоящего времени не изучен, хотя многие издания из книжных собраний писателя и его последней жены Валерии Дмитриевны демонстрируются в музее писателя в подмосковном Дунине. Вместе с тем художественные произведения Пришвина и, в еще большей мере, его дневниковые записи, а также воспоминания современников создают основу для определения круга чтения писателя и наиболее важных для него книг. Именно эти источники анализируются в данной работе. Актуальным представляется не только выявить упоминания и оценку Пришвиным тех или иных произведений, но и (в случаях, когда это представляется возможным) проследить эволюцию его суждений о тех авторах, к наследию которых он обращался в течение длительного времени, а также отметить образы из круга чтения, которые важны для текстов писателя.

Краткая характеристика некоторых из наиболее значимых для Пришвина произведений содержится в комментариях к его дневникам, которые издавались с 2007 по 2017 г. (подготовка текстов Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой, комментарии Я.З. Гришиной и В.Ю. Гришина). Исследователи же обращаются, как правило, к отдельным авторам, которых считают особо важными для Пришвина. Наиболее яркий пример – рассмотрение влияния Ф. Ницше в статьях А.М. Подоксенова [10–12].

Внимание к книге, к освоению мира через книгу зародилось у М. Пришвина в детские и юношеские годы. На формирование страсти к чтению оказала влияние и судьба писателя, активно печатавшегося в период Серебряного века, когда в орбиту его читательского интереса входили произведения русских и зарубежных классиков, писателей-современников, а

также литература, необходимая для творческой работы. В статье мы обращаемся преимущественно к последним годам жизни Пришвина, которые он провел в Дунине, куда переместил часть библиотек своей и В.Д. Пришвиной. Эта объединенная, но достаточно скромная в силу особенностей загородной жизни библиотека активно пополнялась как при жизни писателя, так и после его смерти.

Остановимся на существенном для нашей темы вопросе: считал ли Пришвин себя дачником и, соответственно, дунинскую библиотеку – дачной? Неоднократно называя своих соседей дачниками, при покупке в 1946 г. дома Пришвин говорил о предстоящем приобретении как о даче, однако потом, когда земельный надел с домом стал его собственностью, местом проживания, любимым пространством, он начал писать об усадьбе, обращаясь в памяти к усадьбе Хрущево (Хрущево-Левшино), связанной с далекими годами детства. Таким образом Пришвин выстраивал кольцевую композицию своей жизни – от усадьбы до усадьбы, от Хрущева до Дунина, два опорных пункта, между которыми протекала его жизнь. М.М. Пришвин 18 августа 1947 г. записал в дневнике: «Усадьба Дунино пришла ко мне в точности как замещение Хрущева. / И общество собирается вокруг усадьбы, как в Хрущеве» [13. С. 624]. И на следующий день – крайне важная запись: «...вещь “Жень-шень” существует для всех, а вещь “усадьба Дунино” для меня и для моих немногих гостей» [13. С. 628]. Эти слова свидетельствуют о том, что Дунино для Пришвина – тот мир, который он создавал и выстраивал для себя, для своего внутреннего использования. Этот мир был достаточно замкнутым, лишь иногда приоткрывавшимся для приносящего радость общения.

Хотя официально в советской реальности 1940–1950-х гг. никаких усадеб не существовало, для Пришвина была важна усадебная жизнь как возможность для отдыха, для важных, греющих душу встреч, причем только с теми людьми, с которыми ему действительно хотелось увидеться, как время для творчества. Писатель с радостью погружался в «Дунинское пустынножителство» [13. С. 235] и, оставаясь в одиночестве, отдавался работе (см., например, дневниковую запись от 31 августа 1947 г.: «Все дачники уехали из Дунина, и вечером стало светло (их электрические печки уехали). Пишу “Моя страна”. Ляля вчера уехала в Москву» [13. С. 642]).

Того же мнения относительно восприятия нового места проживания как усадьбы была и супруга Пришвина – одна из глав ее книги «Наш дом» называется «Прошлое дунинской усадьбы». Хотя в исторических документах, которые цитирует В.Д. Пришвина, говорится о «даче села

Козина», она делает специальное разъяснение: «Слово “дача” будем понимать здесь в прямом его значении *дара*, как оно и разумелось в XVIII веке» [14. С. 84].

Библиотеки, которые Пришвин собирал в разные годы, в том числе в период дунинской жизни, состояли не только из тех книг, которые можно причислить в «вечным спутникам», были среди них и другие издания. Приведем характерные дневниковые записи 1920–1930-х гг. 17 сентября 1926 г. Пришвин пишет о своих планах: «Начать собирать библиотеку, наметить отделы: 1) о царизме, потому что он будет объяснять современность через недавнее прошлое, 2) охотничий, 3) “Вечные спутники”» [15. С. 137]. И еще одна цитата, вновь с упоминанием «вечных спутников», – из дневника за 2 октября 1934 г.: «Мои вечные спутники <приписка: поэты>: Лермонтов, Блок, Есенин; Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступным: Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гете. Этот вопрос о рукотворности вещи, мне поэзия должна быть как молитва. Из прозаиков у меня живут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун» [16. С. 501]. Пришвин, мастер прозы, выступает против эксперимента в поэзии, когда акцент смещается на приемы, которые отвлекают читателя от целостного восприятия поэтического текста.

Для Пришвина чтение художественных произведений – это не только получение эстетического удовольствия, но и возможность погрузиться в мир другого автора, понять, каким образом особенности его жизненного пути воплотились в творчестве. Об этом – в начале «Осударевой дороги»: «Всегда я понимал при чтении книг, что автор и есть настоящий источник его героев» [17. С. 6].

Пришвина дала общую характеристику «очень маленькой» дунинской библиотеки и упомянула, что в нее входили «книги самого Пришвина и книги других авторов, которыми он пользовался при очередной работе». В библиотеке были словари В.И. Даля, славяно-русский и энциклопедический Брокгауза и Эфрона, «книги классиков русской и зарубежной литературы». Тут же и другой «вечный спутник» – «маленький атлас мира с затертыми до дыр картами, по которым Пришвин следил за военными действиями, живя в Усолье во время Великой Отечественной войны». И рядом на специальной полке книги, которые можно отнести к разряду делового чтения – они были необходимы при работе писателя над «Осударевой дорогой» и «Корабельной чашей», в том числе научные труды о лесе, административные и географические справочники. Отдельная полка была выделена под литературу, посвященную увлечениям писателя: это

«практические руководства по фотоделу, по вождению автомобиля и уходу за ним, литература по вопросам охоты и охраны природы» [14. С. 321]. Хотя, по словам Пришвиной, супруг намеренно очищал свою библиотеку от всего «второстепенного», «живая жизнь неуклонно ее пополняла» [14. С. 321]. Так, например, 10 мая 1953 г. Пришвин записал в дневнике: «Взять с собой: книги Данилевского и В. Соловьева, Олега <Поля> и Тагора, “Кашееву цепь”...» [18. С. 349].

Пришвина отмечала, что один из самых ценных разделов дунинской библиотеки – книги с дарственными надписями – продолжал пополняться и после смерти писателя. Это были уже дары не ему, а дому, в котором хранится память о нем. Это обстоятельство требуется учитывать при определении состава дунинской библиотеки пришвинского времени, при подготовке ее описи. Раскрыть же круг чтения помогают дневниковые записи, на анализе которых мы и остановимся.

В третьей декаде апреля 1948 г. Пришвин неоднократно делает записи, свидетельствующие о чтении им произведений Дж. Лондона – то «с восхищением» [19. С. 115], то с негативной оценкой «слабого рассказа» «Мексиканец» [19. С. 117]. Были и произведения, которые писатель читал в дунинские годы впервые, как, например, «Консуэло» Ж. Санд (запись от 16 октября 1949 г. [19. С. 617]). Порой встречаются критические характеристики произведений русских классиков. Так, 21 июня 1948 г. Пришвин записывает: «Перечитал “Обломова” и был изумлен, до чего плохо, тенденциозно было написано это прославленное произведение Гончарова. Успех заключался в современности идеи» [19. С. 172].

Пришвин внимательно читал и произведения современных ему авторов, с некоторыми из которых периодически встречался или переписывался. Так, 28 июля 1948 г. он упомянул повесть К.Г. Паустовского «Преодоление времени», написанную, по его мнению, под чеховскую «Степь»: «Опыт очень интересный: внимательное разглядывание мелочей жизни в добром расположении к человеку...» [19. С. 202]. Напомним, что произведение Паустовского «Преодоление времени: повесть о лесах» с иллюстрациями В. Климашина публиковалось в журнале «Огонек» с № 17 за 1948 г.; со временем подзаголовок станет общепринятым заглавием. Актуальность для повести Паустовского чеховского опыта Пришвин отметил и позже. Более того, писатель преломляет этот опыт и на свое творчество: «...какой бы превосходный материал дало Дунино для рассказа, подобного “Степи”» (запись от 22 августа 1948 г. [19. С. 220]). Важность для творчества Паустовского чеховского наследия отмечал и К.А. Федин, охарактеризовавший рассказ «Дождливый рассвет»

в письме к его автору от 19 июня 1946 г.: «Это – Чехов. Не то, чтобы ты “поднялся” до Чехова – это тебе незачем. Ты просто стоишь вровень с Чеховым по прелести и тонкости чувства. <...> Чехов всегда порождал во мне такое чувство, вдобавок к нетерпеливой уверенности, что и ты можешь писать хорошо»¹.

Отметим, что Пришвин не только вспоминал, но и перечитывал произведения А.П. Чехова, причем оценивал их совершенно по-иному, чем раньше. «“Мужики” Чехова прочел как в первый раз. Значит, в то время я был такой, что они до меня “не доходили”, как вообще и вся поэзия Чехова», – отмечает писатель 3 января 1949 г. [19. С. 360]. Позже мысли Пришвина вновь обратились к повести «Степь», также он упоминает и чеховскую повесть «В овраге».

На многих книгах библиотеки М. Пришвина имеются его пометы, требующие внимательного изучения. Комментарии А.З. Гришиной к дневниковым записям писателя свидетельствуют о том, насколько они важны для изучения творческой биографии писателя. Так, на полях русского издания книги Ричарда Джеффериса «The Story of my Heart» (1883) («История моего сердца»), хранящейся в составе библиотеки Пришвина в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля, имеются весьма содержательные пометы: «“Итак, “усиление” души = моему “методу” исследования жизни” (с. 13) <...> “Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее, любим и не спрашиваем о взаимности” (с. 62)» [20. С. 826–827] (см. также: [14. С. 322–325]).

Собственные книги, занимавшие значительную часть дунинской библиотеки, становились для Пришвина, как и произведения других авторов, «вечными спутниками». Писатель общался со своими изданными книгами как с кем-то родным или очень близким – старался их улучшить, сделать более приятными в общении. Так, он замазал в книге не понравившуюся ему собственную фотографию, а в другой поменял изображение собаки, поскольку предложенный художником образ представлялся ему неубедительным. В Дунине М. Пришвин в соответствии с традициями усадебной и дачной жизни читал близким свои сочинения, над которыми работал в то время.

Владельцы дач советского периода и их гости не только отдыхали и общались на лоне природы, но и занимались хозяйственными делами. Так, в конце мая 1949 г. в Дунине, как отмечал Пришвин, «рассаживали на клумбе цветы, а к вечеру Ляля и Родионов читали Гумилева <...> а мы

¹ ГМИРЛИ им. В.И. Даля. ОР ГЛМ. Ф. 144. Оп. 2. Ед. хр. 334. Л. 2–3.

с Павл<ом> Семен<овичем> слушали их, разинув рты» [19. С. 503]. Показательно, что отказ от прочтения произведения знакомого писателя воспринимается как недружественный поступок. Это подтверждает одна из пришвинских дневниковых записей лета 1949 г.: «...понял явственно, что Панферов отдалился от меня только оттого, что я не ответил на его годовую просьбу по телефону прочитать и, значит, похвалить его роман» [19. С. 554].

Безусловно, для выявления «вечных спутников» Пришвина актуален анализ его художественного творчества. Я.З. Гришина выявила в записях за 1947 г. аллюзию на сказку Г.-Х. Андерсена «Соловей» (1843) [21. С. 886]. Образ соловья, близкий андерсеновскому, можно отметить и в раннем творчестве Пришвина – в главе «Черный сад» повести «У стен града невидимого» (1909). Риторическим вопросом о соловьином пении писатель задается и в дневниковой записи от 29 июня 1909 г. «Неужели же это все напрасно тысячелетия просвистел соловей в саду...» [22. С. 218]. В позднем же дневнике (запись от 22 апреля 1947 г.) писатель развивает мысли Андерсена: «Попробуйте записать песнь соловья и посадить ее на иглу граммофона, как это сделал один немец. Получается глупый щебет и ничего от самого соловья, потому что сам соловей – не только он один с его песней: соловью помогает весь лес или весь сад...» [13. С. 489]. Однако невозможно сводить этот образ только в литературной традиции. Соловья, поющего в весеннем саду, Пришвин слышал в самых разных местах – от Хрущева до Дунина. Соловей, яркий усадебный символ, стал отправной точкой для размышлений о смысле человеческого бытия, о его сути: «Многие из нас слышали соловья, но не каждый из нас слышал своего соловья. В жизни своей своего соловья слышал я один только раз: вся душа моя, вся моя личность пела вместе с этим соловьем, и весь сад, и вся роса, и весь мир» (запись от 29 сентября 1947 г. [13. С. 670]). Своего рода итогом «соловьиной темы» у Пришвина можно считать дневниковую запись от 29 мая 1953 г., сделанную после недели, проведенной в Дунине, когда к нему вернулись здоровье и работоспособность: «...сидел против вечерней зари и слушал 1-ю симфонию Скрябина <...>. Это не соловьи объясняли зарю, а человек во всей своей сложности, и человек без всякой “человечины”, а сам, как соловей, оставаясь в природе» [18. С. 360]. Без сомнения, к «вечным спутникам» Пришвина относятся не только произведения словесности, но и великие музыкальные сочинения. Причем музыка для него, как и поэзия, не должна содержать элементов «рукотворности», она «должна быть как молитва» [16. С. 501].

В круг читательского интереса Пришвина входили Евангелие и произведения философов, которые глубоко его волновали. В числе «вечных спутников» – книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (издание 1913 г. сохранилось в дунинской библиотеке) и «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего». В произведениях и дневниковых записях Пришвина присутствуют как цитаты из книг философа, так и размышления, вызванные его учением. При этом заметна значительная эволюция взглядов на Ницше. Если в 1930 г. Пришвин, думая о Ницше, расценивал его как человека, «взявшего на себя бремя двух тысячелетий» [23. С. 260], то в 1946 г. отнес философа наряду с А. Гитлером и В.В. Розановым к числу «страшных людей» [13. С. 215]. Писатель неоднократно противопоставлял идеи Ницше христианству; одно из наиболее ярких сравнений относится к декабрю 1943 г.: «Оба эти бога – Маркс и Ницше, с религией Ближнего и Дальнего, являются от распада в сердцах людей единого истинного Бога Иисуса Христа» [24. С. 655]. В тот период своей жизни высший смысл писатель видел в Евангелии.

Дневниковые записи указывают на чтение Пришвиным газет. Это занятие, которому нередко отдавались владельцы русских помещичьих усадеб, свойственно и многим литературным персонажам. Так, чтение газеты «Русские ведомости» являлось одним из ежедневных занятий отца главного героя автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». С детства, со времени жизни в Устах, привыкает к естественности чтения газет и сам Глеб. В отношении к газетам – отличие пристрастий Михаила Михайловича и Валерии Дмитриевны. Пришвин 17 июля 1948 г. отмечал: «Понятно, почему Ляля не читает газет и не интересуется событиями текущего времени. <...> Это побег от времени, от изменений и зависимости своего духа от внешних событий» [19. С. 192]. И два дня спустя: «Ляля не считается со временем: не читает газет» [19. С. 193]. Для Пришвина же были важны текущие новости, которые находили отклик не только в его дневниковых записях, но и в художественных текстах.

Входили в круг чтения Пришвина и журналы. Так, он отмечал «очень хороший» журнал «Америка», надеясь, что и «Огонек» будет таким же (запись от 8 августа 1948 г. [19. С. 212]).

Значительное внимание Пришвин уделял исторической литературе, чтение которой позволяло ему глубже понять события своего времени. Характерна в этом отношении запись от 18 июля 1948 г.: «Вычитал из истории Средних веков, что борьба между иконоборцами (сектантами) и

иконодулами (монахами) была упорная, долгая и глубокая, и я понял, что наше время смотрит в зеркало прошлого» [19. С. 192].

К формированию своей библиотеки Пришвин всегда относился с особым вниманием. Однако, отправляясь в Дунино, он должен был сначала обустроить быт и лишь потом заняться «вечными спутниками». Книг не оказалось среди множества вещей, которые планировалось «взять с собой в первую машину»: «...самоварчик, охотничьи сапоги и резиновые, термос, ружье и патроны, купить лампочки и плитки 220, блесны и удилища, насыпки для сенников, подушки, одеяла, простыни, полотенца личные, тряпки, клеенку на стол, занавески, лампу, керосин, спички, кочергу, ухват, топор, вилы, лопату и пр., ведра, кадки, чугуны, кастрюли, сковородки, посуда всякая, умывальник, шайки, таз эмалированный, мочалку, мыло, угольный утюг» (запись от 11 сентября 1946 г. [13. С. 283]).

Лишь затем началось комплектование усадебной библиотеки, еще позже – корректировка ее состава. Библиотека создавалась как для общения с «вечными спутниками», так и для повседневной творческой работы, для занятий любимыми делами, а также как коллекция получаемых в дар книг.

Проведенный анализ показывает, что для Пришвина всегда было актуально чтение художественных произведений современников и предшественников, трудов философов, исторической и справочной литературы, а также периодики – газет и журналов. Следы этого чтения мы обнаруживаем не только в дневниках и письмах, но и в художественной прозе писателя.

Список источников

1. Библиотека В.А. Жуковского: описание. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 416 с.
2. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: (библиографическое описание). СПб., 1910. XX + 442 с.
3. Библиотека А.Н. Островского: (описание). Л. : БАН, 1963. 273 с.
4. Библиотека Ф.М. Достоевского: опыт реконструкции: научное описание. СПб. : Наука, 2005. 338 с.
5. Ханило А.В. Личная библиотека Чехова в Ялте; с приложением. Франкфурт-на-Майне, 1993. 171 с.
6. Библиотека А.А. Блока: описание. Л. : БАН, 1984. Т. 1–3.
7. Балика Д.А. Личная библиотека А.М. Горького нижегородских лет. Горький, 1948. 68 с.
8. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: описание : в 2 кн. М. : Наука, 1981. 410 + 228 с.
9. Скороходов М.В. К.Г. Паустовский – читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений // Русская словесность. 2023. № 3. С. 55–64.

10. Подоксенов А.М. Фридрих Ницше в контексте мировоззренческого диалога Михаила Пришвина и Василия Розанова // *Philologos*. 2010. № 1–2. С. 116–131.
11. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. Философский контекст творчества (часть 1) // *Credo New*. 2019. № 4 (100). Статья № 3.
12. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. Философский контекст творчества (часть 2) // *Credo New*. 2020. № 1 (101). Статья № 5.
13. Пришвин М.М. Дневники 1946–1947. М. : Новый Хронограф, 2013. 968 с.
14. Пришвина В.Д. Наш дом. М. : Молодая гвардия, 1977. 336 с.
15. Пришвин М.М. Дневники 1926–1927. Книга пятая. М. : Русская книга, 2003. 582 с.
16. Пришвин М.М. Дневники 1932–1935. Книга восьмая. СПб. : Росток, 2003. 1008 с.
17. Пришвин М.М. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. Осударева дорога; Корабельная чаша. М. : Худож. лит., 1984. 439 с.
18. Пришвин М.М. Дневники 1952–1954. СПб. : Росток, 2017. 832 с.
19. Пришвин М.М. Дневники 1948–1949. М. : Новый хронограф, 2014. 824 с.
20. Гришина Я.З. Комментарии // Пришвин М.М. Дневники 1944–1945. М. : Новый Хронограф, 2013. С. 734–897.
21. Гришина Я.З. Комментарии // Пришвин М.М. Дневники 1946–1947. М. : Новый Хронограф, 2013. С. 771–935.
22. Пришвин М.М. Ранний дневник: 1905–1913. СПб. : Росток, 2007. 800 с.
23. Пришвин М.М. Дневники 1930–1931. Книга седьмая. СПб. : Росток, 2006. 704 с.
24. Пришвин М.М. Дневники 1942–1943. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 813 с.

References

1. Kanunova, F.Z. (ed.) (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: opisaniye* [Vasily A. Zhukovsky's library: a description]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Modzalevsky, B.L. (1910) *Biblioteka Aleksandra S. Pushkina: (bibliograficheskoye opisaniye)* [Aleksandr S. Pushkin's library: (a bibliographical description)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Stepanov, A.N. (ed.) (1963) *Biblioteka Aleksandra N. Ostrovskogo: (opisaniye)* [Aleksandr N. Ostrovsky's Library: (a description)]. Leningrad: The Library of the USSR Academy of Sciences.
4. Budanova, N.F. (ed.) *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii: nauchnoye opisaniye* [Fyodor M. Dostoevsky's Library: An Experience of Reconstruction: A Scientific Description]. St. Petersburg: Nauka.
5. Khanilo, A.V. (1993) *Lichnaya biblioteka Chekhova v Yalte* [Chekhov's Personal Library in Yalta]. Frankfurt-am-Main: [s.n.].
6. Miller, O.V., Kolobova, N.A. & Vovina, S.Zh. (1984) *Biblioteka Aleksandra A. Bloka: opisaniye* [Alexander A. Blok's library: a description]. Leningrad: The Library of the USSR Academy of Sciences.
7. Balika, D.A. (1948) *Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo nizhegorodskikh let* [A.M. Gorky's personal library of the Nizhny Novgorod years]. Gorky: Gorky Regional Library named after Lenin.

8. Smirnova, A.D., Peshkova, M.M. & Beislehem, R.G. (eds) (1981) *Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve: opisanie* [Maxim Gorky's personal library in Moscow: a description]. Moscow: Nauka.

9. Skorokhodov, M.V. (2023) K.G. Paustovskiy – chitatel': k voprosu o krugе chteniya i bibliotekakh pisatelya i geroev ego proizvedeniy [Konstantin G. Paustovsky as a reader: On his reading circle, libraries and heroes]. *Russkaya slovesnost'*. 3. pp. 55–64.

10. Podoksenov, A.M. (2010) Fridrikh Nitsche v kontekste mirovozzrencheskogo dialoga Mikhaila Prishvina i Vasiliya Rozanova [Friedrich Nietzsche in the Context of World Outlook Dialogue of Mikhail Prishvin and Vasilii Rozanov]. *Filologos*. 1–2. pp. 116–131.

11. Podoksenov, A.M. (2019) Mikhail Prishvin i Fridrikh Nitsche. Filosofskiy kontekst tvorchestva (chast' 1) [Mikhail Prishvin and Friedrich Nietzsche. The philosophical context of creativity (Part 1)]. *Credo New*. 4(100). Article no. 3.

12. Podoksenov, A.M. (2020) Mikhail Prishvin i Fridrikh Nitsche. Filosofskiy kontekst tvorchestva (chast' 2) [Mikhail Prishvin and Friedrich Nietzsche. The philosophical context of creativity (Part 2)]. *Credo New*. 1(101). Article no. 5.

13. Prishvin, M.M. (2013) *Dnevniky 1946–1947* [Diaries 1946–1947]. Moscow: Novyy Khronograf.

14. Prishvina, V.D. (1977) *Nash dom* [Our home]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

15. Prishvin, M.M. (2003) *Dnevniky 1926–1927. Kniga pyataya* [Diaries of 1926–1927. Book Five]. Moscow: Russkaya kniga.

16. Prishvin, M.M. (2003) *Dnevniky 1932–1935. Kniga vos'maya* [Diaries 1932–1935. Book Eight]. St. Petersburg: Rostok.

17. Prishvin, M.M. (1984) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

18. Prishvin, M.M. (2017) *Dnevniky 1952–1954* [Diaries 1952–1954]. St. Petersburg: Rostok.

19. Prishvin, M.M. (2014) *Dnevniky 1948–1949* [Diaries 1948–1949]. Moscow: Novyy khronograf.

20. Grishina, Ya.Z. (2013) Kommentarii [Comments]. In: Prishvin, M.M. *Dnevniky 1944–1945* [Diaries 1944–1945]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 734–897.

21. Grishina, Ya.Z. (2013) Kommentarii [Comments]. In: Prishvin, M.M. *Dnevniky 1946–1947* [Diaries 1946–1947]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 771–935.

22. Prishvin, M.M. (2007) *Ranniy dnevnik: 1905–1913* [The Early Diary: 1905–1913]. St. Petersburg: Rostok.

23. Prishvin, M.M. (2006) *Dnevniky 1930–1931. Kniga sed'maya* [Diaries of 1930–1931. Book Seven]. St. Petersburg: Rostok.

24. Prishvin, M.M. (2012) *Dnevniky 1942–1943* [Diaries of 1942–1943]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторе:

Скорородов М.В. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: msk2002@ Rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Skorokhodov, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: msk2002@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.06.2023;
одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 27.06.2023;
approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 17.10.2023*